

Глеб Иванович Успенский

**Мнения фельдшера
Кузьмичова о
современном обществе**

Глеб Иванович Успенский
Мнения фельдшера
Кузьмичова о
современном обществе
Серия «Скучающая публика», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665355*

Аннотация

«...Фельдшер Кузьмичов – интеллигент из крестьянской среды, посвятивший свою жизнь общественному служению. Успенский показывает, что он служит народу «не на словах, а на деле». Деятельность фельдшера противопоставлена хищнической деятельности представителей буржуазии.

Сохранившиеся в архиве писателя рукописные отрывки свидетельствуют о тщательной работе Успенского над рассказом о фельдшере Кузьмичове. Современная критика отметила высокое мастерство речевых характеристик персонажей писателя...»

Глеб Иванович Успенский

Мнения фельдшера

Кузьмичова о

современном обществе

...Сквозь крепкий, тяжелый сон давно уже ощущал я признаки какой-то суеты вокруг меня, надо мной и около меня, но решительно не мог раскрыть глаз. Что-то гремело и стучало над головой, что-то билось у самой головы, уткнувшейся в подушку лицом, что-то шумело и надо мной, и близ меня, и где-то далеко... И только тогда, когда все это стихло, я вдруг открыл глаза и понял, что это пароход останавливался у пристани, что около моей головы бились волны взбудораженной пароходом Волги, что на палубе вверху бегали рабочие, смурывали канаты и гремела рулевая цепь.

Открыл я глаза, а вставать не хочется; ослепительные лучи утреннего солнца, отраженные водою на белый потолок общей каюты, играют, зыблются и слепят; в круглое окно подует легкий свежий ветерок с запахом речной воды, по временам же и запахом рыбки, а подчас и нефти. Но лежать покойно, хорошо, и вставать не хочется. И вот, лежа и не поднимая головы, я узнаю, что в каюте есть пассажиры, которых совсем не было, когда я в Нижнем вечером сел на пароход.

Один лежит и кашляет у меня в головах, а другой, вероятно, за общим столом чай пьет: слышно, как звякает в стакане чайная ложечка.

— А что капитан-то? Куда он девался? — сиплым, не то простуженным, не то опившимся голосом, хотя и с мягким и добрым оттенком, спрашивает пассажир, лежащий У меня в головах. — Ай вылез на пристани-то?

— Видно, вышел... Не видать что-то... Я, признаться, заснул, станции две проспал, не видал... Должно быть, вышел, и вещей нету...

— Однако, — кашляя сухим, тяжелым кашлем, продолжал мой сосед, — досталось ему по женской части, как порассказал! Довольно искусно!.. Должно быть, и баба тоже попалась вострая.... Я считал, считал и счет потерял, сколько у ней душенек-то перебивалось... Наконец, того, в сумасшедший дом упечатала!.. Эво как! В сенат, что ли, хотел жаловаться?

— А право, уж что-то не припомню... кажется... впрочем... в сенат.

— Как же! в сенат и в правительствующий синод... А по моему в эфтом разе оставь, уйди... Коли сам весь в дырах, так уж что тут, какой синод. Ведь и ихнюю сестру тоже надобно пожалеть: из нашего брата сволочи-то тоже, слава тебе господи, сколько... Тоже ведь!..

— Как вам сказать? — с оттенком как бы серьезной задумчивости в голосе проговорил собеседник, пивший чай. — Конечно, причем же тут может быть святейший синод или, на-

пример, сенат? Но я вам вот что скажу: даже и молодому человеку, который, положим, что имеет, например, возможность, и то весьма трудное это дело, то есть женская часть!

– Н-не знаю! Не знаю я этого... Я даже так скажу: опасюсь и соваться в эти дела; то есть, например, по этой самой дамской части... А что ежели сказать по совести, по чистой душе, так я склоняюсь к арфисткам! Перед истинным богом! Это я скажу при вас ли, при ком угодно... Чего мне утаивать? Свиное, так оно и соответствует к свиному... Зачертишь недели на две – и бултых в омут, только и всего! Что же? Ежели итак взять: тоже ведь и они люди, арфистки-то!

– Я этого вопроса не касаюсь, а говорю.

– Чего уж касаться! Касайся, не касайся, а выше своего носа не прыгнешь. Мне маменька давно зудит: «женись, женись»... Зачем? По хозяйству у меня полон дом баб: маменька, две сестры. А ежели не для хозяйства, так я даже и опасюсь... Сам-то дурак да дуру возьмешь – будет два дурака... Имназистку? Так она училась, понимает... А я даже ежели цифру которую подлинней написать, и то ошибусь сто раз... Нешто нас чему учили родители? – Так вот я и думаю, что самое подходящее нашему брату – арфистка. Мусор к мусору – и обоех в помойную яму; туда и дорога! Ежели этакая-то мусорная дама иной раз и по морде тебе даст подгулявши, и то смолчишь: свой своему... А попадись нашему брату добрая, да умная, да смирная, да, сохрани господи, ученая, так ведь мы ее должны на части разорвать, с одного, что она хо-

рошая... Наш брат тоже ведь, ух, какой дьявол бывает!

Все это сосед, лежавший у меня в головах, произнес медленно, совершенно спокойно, своим сиплым голосом, в котором я теперь ясно слышал ноту полной искренности и доброты. Даже такие выражения, как «свиное к свиному», «мусор к мусору», – выражения, казалось бы, рисующие негодование человека на самого себя, горькое сознание своих дурных свойств, – и они произносились им совершенно просто, единственно только как самые верные, несомненные определения, не больше.

Долго кашлял мой сосед сухим, удушливым кашлем после своего признания, и это заставило молчать собеседника, пившего чай.

– Отвечать на ваше предложение я не могу, – заговорил, наконец, собеседник, – я этих предметов не касаюсь, потому что человек я занятой. Но позвольте вам сделать такое замечание: с детства я нахожусь без роду и племени, без отца, без матери, положительно не имея пристанища. Что были дворовые при господах, да еще при жестоких? Ну, таким образом, я с самых первых ден видел самую горькую долю. Маменька была сослана за убийство ребенка своего, и не знаю... может, и жива еще! Каково это знать детскому сердцу? Следовательно, с детства я вполне понимал горе человеческое и видел крестьянские мучения, и душа у меня изболела.... В последствии времени, когда это кончилось, господь меня призрел: приехал молодой барин, студент, человек совсем другого ро-

ду: ни псарни, ни этого кнутовья, ни чтобы насчет баб, ничего этого. Дом заколотил, жил в одной каморке; лечил мужиков... Совсем не то, что родители: добрый был, и призрел меня, обратил внимание, и вот в настоящее время я, с божиею помощью, имею кусок хлеба: я состою фельдшером в земстве; фамилия моя – Кузьмичов. Но только позвольте вам сказать: и земств много, и фельдшеров много, и членов, и депутатов – всего этого довольно...

– Сколько угодно! – сипло произнес мой сосед.

– Весьма много! Но так как, быть может, они не из нашего сословия, не знают горя, бедствия человеческого, то хоть и получают тысячи, но общественного блага от этого не видеть, то есть мало где можно встретить...

– Махонькими, значит, порциями? этак только на вилочку зацепить?

– Весьма вероятно! Но так как во мне из детских лет вкоренено печальное состояние ума и сердце приучено к содроганию, и потом учитель мой и благодетель, который, воззвал меня из ничтожества и постановил человеком, также мне внушал, что такое есть долг совести, так я без хвастовства могу сказать, что во мне есть совесть и есть чувство. Я хоть и двадцать пять рублей получаю в месяц, но, по совести, с любым членом, который глотает тысячи полторы-две, в сравнение себя не поставлю. Это я говорю честно, благородно. Я хоть фельдшер, ничтожная часть человечества, но я обществу служу не на словах, а на деле. На словах много охот-

ников, а ты поди-ка на деле, своими руками, носом-то своим сунься к болящему. А это в моей природе: сердце у меня нежное, и я скорблю! Приди ко мне мужик, или, например, пришли фаэтон какой-нибудь кулак, я пойду к мужику, а фаэтон подождет! Я смело могу сказать, что есть я деятель для общества; но не для себя. Я бы мог взятки брать, кулаков пользоваться, но, напротив, без хвастовства говорю, сам даю свои деньги мужикам. К иному придешь – ни свечки, ни хлеба, ни дров, горячей воды не на чем вскипятить, обмыть больное место. Ну и даешь! Кулак сунет тебе «рубь», а я его мужику отдам... Я говорю не то, чтобы я хвалился, а собственно доказываю, что во мне есть природа совестливая и убеждение.

– Не знаю! – сказал сосед. – У нашего брата не слыхать этого... Она нашему брату даже во вред, совесть-то: – препятствует! Живем себе так, без совести... постепенно острога дожидаемся... Ты вот по совести хлопчешь, пилюли даешь, а наш брат подвалит тебе сразу какого ни на есть смраду из своей фабрики в речку, да распустит его верст на двадцать, одурманит и скотину и народ, а ты лечи там, давай пилюли!

– Это нам вполне известно! Мы с нетерпением ожидаем санитарного надзора, и, вероятно, со временем и будет достигнуто. Дело не в этом... Я вас покорнейше прошу обратить внимание на мои слова: мы завели речь о женском вопросе. Теперь, взявши, например, мое положение, спраши-

ваю вас: могу ли я иметь подругу, которая бы соответствовала моему сердцу, чтобы она понимала мою скорбь о ближнем и чтобы она не только не препятствовала, но побуждала? И я вам отвечаю: трудно!

– Не знаю, голубчик! Не касался я этого! Вот как лопнет наш банк, да поведут нас всех, подлецов, на цепи, вот и будет окончание. А пока что, ввязался в омут, вертись да совесть из себя выбирай, как причал из воды... А больше мы не знаем! Не знаю я! Боюсь я этого! Даже и думать об этом нам не подходит!.. Врешь-врешь, вертись-вертись, да бултыхнешь туда, в «слободку», к «арфисткам», – ну, и будто в своем месте! Доберешься до навозу-то, ну оно будто и хорошо!

– Хотя вы, кажется, и преувеличиваете ваши взгляды, – после небольшого молчания проговорил собеседник моего соседа, – однакоже позвольте мне окончить мое мнение. Сколько я на своем веку ни соприкасался с женским вопросом, постоянно я вывожу заключение одно: очень трудно! И мне ведь тоже надобен иной раз угол, уют. Мерзнешь, мерзнешь по зимам-то, захочется в свободный час и погреться и слово сказать. Тоже существует сочувствие человеческое, называемое «рука помощи». Так – верите ли? – не выходит! Я теперича еду на новое место служения, а до сего времени я служил под столицей, близ большой станции железной дороги... Пункт бойкий, и служащего народу очень довольно. Дамского полу много. Даже так много, что, ей-богу, берет

жалость: куда, думаешь, денется весь этот народ? У всех жены, и все родят. И стрелочники, и телеграфисты, официанты, повара, кондуктора, начальники станций, депо – у всех, у всех дети, и все больше девочки... Мальчики – и так, и сяк, ну, а девочки? Куда, позвольте узнать?

– А мы-то? – сказал сосед тем же беспристрастным тоном своего осипшего голоса. – С-слопаем! Это мы всё счавкаем, сделай милость!.. В-ссё!..

– Знаю! Знаю я это и без числа сам видел. В этом-то и состоит чрезвычайное огорчение... И верите ли, какой был случай на моих глазах? Один обер-кондуктор, мало того, что от жены у него трое ребят, еще монашенку совратил (тоже пошла в монастырь из бедности), в своей квартире поселил и от нее двое уж, а в последствии времени нянька к нему поступила, так и тое!

– Да чего ты? Я тебе скажу, в Воронежской губернии купцы Белокуровы купили имение, так праздновали новоселье, и один наш был там, захватили его в Москве, так рассказывал: «Загон, говорит, против дому сделали. Против-то дому роща, так обнесли вишь ее столбами, по столбам канат вытянули да со всей округи баб и девок созвали и загнали в загон-то, перепоили, да, как стемнело, и пошли забавляться... Как волки, вломятся туда, в загон-то, подхватят что по вкусу и продолжают». Вот как бывает! А это что! Обер-кондуктор! Тут чисто как волчья стая. И никто не пикнет, потому «платим»!.. Поди-ка, откажись от щеколадной бумажки-то!.. От-

казываться! Сами идут.

— Я про то и ужасаюсь, что сами, сами... Куда им деваться? Да что? Когда это обер-то кондуктор, как я вам рассказывал, няньку-то молоденькую вовлек, так та сначала было жаловаться хотела. Так что ж вы думаете? Сама жена и монашенка-то стали ее усовещивать, стали уговаривать, что, мол, «живи с ним, молчи, а то от места откажут». И сам-то он этим же действует: «Только, говорит, пикнешь, сейчас откажут; все подохнете голодом, со всем вашим племенем народным». Молчат, живут, родят, друг дружку уговаривают... Вот вы чему подивитесь... Однакоже узнало начальство, и теперь, я слышал, точно что отрешили от должности, так что теперь извольте сосчитать, сколько народу должно по миру пойти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.